

УДК 821.221.180.9

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕРОЕВ В ПОСЛЕДНИХ РАССКАЗАХ ЧЕРМЕНА БЕДЖЫЗАТЫ

Хозиева И.Х.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ, Россия (362040, РСО-Алания, ул. Ватутина, 46), e-mail: ihozieva59@mail.ru

Автор рассматривает эволюцию мировоззрения героев в последних рассказах Чермена Беджызаты, выявляя в них гуманистическое осмысление уроков истории, постановку и решение общечеловеческих проблем. Основное место в ней занимает тема строительства основ новой жизни – величайшего обновления мировоззрения народа за всю историю. Размышления и поиски исследователя закономерно связываются с судьбой человека изображаемой эпохи, поиском нового художественного синтеза, постановкой и решением общечеловеческих проблем в интерпретации писателя. Автор статьи прослеживает восхождение писателя с одной художественной ступени на другую. Показывает эволюция мировоззрения героев в последних рассказах Чермена Беджызаты, считает их «живым чувством продолжающейся истории», которое делает эти произведения не только художественно убедительными, но и созвучными нашему времени.

Ключевые слова: эволюция мировоззрения; очерковая проза; художественный синтез; психологические искания; реалистическое мастерство; символический образ; стилевые особенности.

EVOLUTION OF HEROES OUTLOOK IN THE LAST STORIES OF CHERMEN BEDJIZATI

Khozieva I.H.

FPBEI of HE «K.L.Hetagurov North Ossetian state university», Vladikavkaz, Russia (362040, Republic of North Ossetia-Alania, Vladicavkaz, Vatutina, 46) e-mail: ihozieva59@mail.ru

The author considers evolution of outlook in the last stories of Chermen Bedjizati, revealing humanistic judgment of lessons of history, statement and solution of human problems. The main place in it takes subject of construction of bases of new life - the greatest updating of outlook of the people for all history. Reflections and the search for the researcher naturally linked with the fate of a man portrayed era, looking for a new artistic synthesis, formulation and solution of global problems in the interpretation of the writer. The author traces the ascent of the writer's art one stage to another. Shows the evolution of the outlook of the characters in the stories of the past Chermen Bedzhyzaty, considers them "a living sense of the ongoing story" that makes these works of art are not only compelling, but in tune with our time.

Keywords: evolution of outlook; sketch prose; art synthesis; psychological searches; realistic skill; symbolical image; style features.

К середине тридцатых годов очерковая проза – «невыдуманные рассказы» Чермена Беджызаты – завершила начальный этап исследования важнейших проблем современности. Популярность этого жанра, диктовалась насущной потребностью в более глубоком и точном взгляде на историю. Размышления и поиски закономерно сошлись на судьбе человека изображаемой эпохи. Глубоко гуманистическое осмысление уроков истории требовало нового художественного синтеза, обобщения самого главного в народных судьбах, постановки и решения общечеловеческих проблем. На пути к этой цели Чермен Беджызаты значительно расширил сферу своих творческих возможностей, свой мыслительный и художественный потенциал. Он наметил пути того художественного синтеза, к которому со временем пришли и другие писатели. Основное место в нем занимает тема строительства

основ новой жизни – величайшего обновления мировоззрения народа за всю историю. В этой ситуации писатель стремился рассмотреть человека в широком контексте времени, сформировавшего его. По-своему к решению этой задачи приступил Чермен Беджызаты в своих рассказах, в которых, казалось бы, сама постановка данной проблемы должна была натолкнуться на жесткие рамки короткого повествования.

Еще во время работы над повестью «Башни говорят», размышляя о характере своего народа, Чермен Беджызаты пришел к выводу, что в менталитете осетин есть прекрасная черта: в тяжелую эпоху они могут объединиться и показать образцы героизма и мужества. В рассказе «Три взгляда» [1], опубликованном в 1935 году в журнале «Фидиуаг» [2] и тепло встреченном осетинским читателем (чего не скажешь о национальной литературно-критической мысли), это проявилось особенно четко. Негативное отношение критики к данному произведению объясняется тем, что писатель был репрессирован, и его творчество на несколько десятилетий выпало из литературного процесса. Только после 1956 года стало возможным издание и изучение произведений Ч.Беджызаты. На рассказ «Три взгляда» впервые обратил внимание Х.- М. Дзуццати в 1964 году в своей книге «Творчество Чермена Беджызаты» [8, с.123]. Впрочем, исследовательского в ней было мало, так как критик ограничился пересказом сюжета рассказа [8, 96-101]. В 1967 году один из соавторов «Очерка истории осетинской советской литературы», Нафи Джусойты, автор очерка о творчестве Чермена Беджызаты [6], дал первый серьезный анализ рассказа «Три взгляда» [6, с.136-137]. В частности, он впервые заговорил об оригинальной «сюжетной основе», «психологических исканиях», «нравственных поисках», «манере письма», «ритмическом ключе», «аллегорической прелюдии» исследуемого произведения. Он же первым назвал рассказ «самым удачным и чрезвычайно характерным для манеры письма писателя произведением» [6, с.136].

Дважды в своих литературно-критических работах обращался к рассказу «Три взгляда» и Шамиль Джикаев. И если в первом случае это было краткое изложение содержания произведения [4, с.104], то во втором – в «Истории осетинской литературы» (1917-1956гг.) [7] дан более глубокий анализ рассказа и отмечены его основные художественные достоинства: оригинальный сюжет в традиционной теме, интерьер как важнейший компонент сюжета, символические элементы (борьба света и тьмы), легенда – основная часть рассказа, эволюция мировоззрения главного героя, неожиданная развязка сюжета и т.п. Исследователь обратил внимание и на образный, богатый язык рассказа. Кроме того, важнейшим достижением писателя он поставил перевод действия произведения из плоскости дискуссионности к спокойной повествовательности. Знаковым художественным средством назван и тот факт, что сюжет строится не на авторском тексте, а на монологе

главного героя: он участник событий, и ему предоставлена возможность делать необходимые выводы. Наконец, подчеркивается и то, что рассказ к концу повествования принимает символическое значение: автор повествует не только о трех встречах с женщиной («Три взгляда женщины»), но и о трех противопоставленных мнениях.

Рассказ не избалован вниманием критики; между тем именно в нем автор развил центральную идею своей прозы: каждая ключевая мысль произведения демонстрирует резервы нравственных сил, обнаруженных яркими представителями нашего народа в моменты социального преобразования. У писателя в этом произведении есть и свои открытия, удачи и достижения. Здесь он обратился к трудным нравственным и психологическим проблемам начала эпохи коллективизации. Он остро чувствует драматизм человеческих отношений, несколько не сглаженный, а, напротив, представленный в естественном виде. Чермен Беджызаты видел, что эпоха больших перемен оставила разные отпечатки в человеческих душах. Одних новая жизнь подняла, очистила, сделала лучше, в других еще резче выявила их отрицательные качества.

Возвращение ответственного работника областного масштаба Битара в свое родное село в качестве председателя сельсовета, встреча с земляками показаны писателем с пронзительной тонкостью и правдивостью. Весь рассказ пронизан высоким гуманным чувством сострадания главного героя к девушке Налкудте, которая впоследствии станет его супругой и верной соратницей. Автор не выдумал содержание своего произведения, а взял его из жизни. Основной моральный конфликт и характеры он взял оттуда же, потому что писателя занимали не условные схемы, а живые люди. Главный герой рассказа Битар стал большим чиновником, но не утратил чувства нравственного долга перед близкими и родными, односельчанами и соратниками. Быть может, поэтому произведение убедительно передает ощущение времени, предстающего перед читателем. Фабула – сюжетная схема произведения – разворачивается более чем стремительно. И начинается она словом «женщина...», которая красной нитью проходит через все содержательное пространство. Такое начало оправдано композицией рассказа: буквально с первых страниц читатель становится свидетелем спора между Халаром и Бадагом, выявившем, что приятели стоят на разных позициях относительно роли женщины в обществе, ее способности быть активной стороной. В ходе спора друзья не скупятся на обвинения в «практицизме», «революционном марксизме», «буржуазной романтике», «материализме» и т.д.

В целом, эта характерная для своего времени дискуссия, напоминающая бурный спор между участниками краеведческой экспедиции из повести «Башни говорят». Правда, дискуссия между Халаром и Бадагом более умеренная и корректная. Впрочем, так и должно быть, ибо последние герои – более умудренные, степеннее, с уже сложившимися

принципами. К спору подключается заместитель председателя окружка. Сначала он отдал должное красноречию Халара и Бадага, заметив, что это так и должно быть: один из них руководит техникумом, другой – секретарь окружка партии. Надо отметить, что рассуждения Умара о роли женщины в обществе не отличаются оригинальностью, ибо все его доводы заканчиваются суждениями об отсталости женщин, которых он называет «сломанными спицами в колеснице жизни» [1, с.117]. С ним категорически не согласен Халар, который считает «женщину прошлого идеалом» [1, с.117].

Чермен Беджызаты, сохраняя верность жизненной и художественной правде, не приукрашивал своих героев, но и не злоупотреблял «подробностями» бытовых ощущений. В этом проявились вкус, такт и реалистическая направленность его творчества. Народный язык, хлынувший мощным потоком в литературу, обогатил манеру письма рассказчика. Но это обогащение порой было чрезмерным, когда реалистическое мастерство автора уступало место натурализму. Этого писатель избежал в рассказе «Ветер сломал тополь». Быть может, поэтому внимание критики к нему было более пристальным, чем к другим произведениям этого жанра. В частности Федор Гаглойты (Гафез) обратил внимание на «очень красивые и контрастные картины» [1, 550], которыми писатель рисует действительность старой и новой жизни. Критик и текстолог заключил свои соображения следующей мыслью: «К какой бы строчке мы не прикоснулись – все они выверены и художественно выдержаны» [1, с.550].

С выводами Гафеза согласился и автор первой книги о прозаике Х.-М. Дзуццати. Биограф обратил внимание на то, что Чермен Беджызаты предельно обнажил свое отношение к религии, которое выразилось всего в одном штрихе: церковный двор был превращен в стоянку для тракторов. Развивая свою мысль в этом направлении, критик назвал писателя «мастером создания кинометода» [8, с.103], где картины, подобны отдельным кадрам, с помощью рефрена делятся на восемь частей. А «тополь, женщина, ворон и платок» [8, с.103], по его мнению, являются «одним ассоциативным рядом» [8, с.103]. Прав критик и в оценке использования рефрена, в котором он увидел «музыку рассказа, конфликт рассказа» [8, с.103]. Попытку в этом аспекте проанализировать рассказ сделал и составитель книги избранных произведений Чермена Беджызаты и Созырыко Кулаева, известный прозаик и литературовед Михаил Булкаты. В предисловии к этому изданию он также сделал акцент на повторяющемся рефрене, в звучании которого он увидел «символ революции» [3, с.17]. В целом же, слишком идеологизированный подход не позволил ему успешно справиться с исследовательской задачей.

Высокую оценку рассказу дал и Нафи Джусойты. Отметив композиционные достоинства произведения, он сделал несколько неожиданный вывод: «Текст рассказа как будто написал для песни» [5]. А в часто повторяющемся рефрене авторитетный

исследователь увидел «два противостоящих символических образа: суровый зимний вечер и старый, голый тополь» [5]. По его мнению, именно на этом контрасте и основан весь рассказ. Вслед за этим умозаключением следует более чем подробное описание бытовых, уличных деталей, в котором ученый увидел «первое символическое утверждение» автора и назвал его «первой частью песни». Нафи Джусойты настолько увлекся размышлениями, что невольно вспомнил отрывок из романа Л.Н.Толстого «Воскресенье». Далее критик сознательно отказывается от анализа композиционных решений писателя и переходит к разговору о гармонии между содержанием и формой рассказа: «Удивительное явление все-таки проза Чермена Беджызаты» [6]. Нафи Джусойты не обошел вниманием и слабые места рассказа, к которым отнес «однобокую идеологическую тенденциозность» [6].

Ш.Ф.Джикаев сосредоточил свое внимание на художественных достоинствах последних произведений Чермена Беджызаты, справедливо назвав их «хрестоматийными» [7, с.301]. Рассказ «Ветер сломал тополь» назван им «аллегорическим, хотя его картины, на первый взгляд, кажутся реалистическими» [6, с.301], а его содержание – контрастом прошлого и настоящего, нового и старого. Критик ассоциирует прошлый век с разрушенным храмом и тополем, а новое время – с той площадью, на которой кипит жизнь. Противоположные картины, по его мнению, сменяют друг друга: храм, тополь и женщина-старуха составляют один композиционный ряд, который дополняется образом ворона. Благодаря этому, считает критик, возрастает драматизм рассказа, усиливается внутренняя борьба событий. Действие приобретает символическое значение: храм, тополь, ворон – одна композиционная струя, которая превращается в одну тень и поглощает женщину-старуху. Повторяющийся рефрен, как верно считает исследователь, поднимает нить сюжета все выше и выше.

Таким образом, эволюция мировоззрения героев в последних рассказах Чермена Беджызаты позволяет утверждать то, что их автор стремился показать этот сложный процесс через собственный опыт или через свидетельства очевидцев. Такой подход позволил сконцентрировать материал вокруг тех эпизодов, которые оставили след в памяти, имели глубокое влияние на душевный опыт автора и сохранились во всей своей подлинности. Дух великой ломки сознания современников передается писателем через очень конкретные, локальные подробности и детали. Точная портретная зарисовка, сценка, иногда мимолетная реплика – и перед нами оживает неповторимый колорит эпохи, особая атмосфера, реальные лица и действительные отношения того времени.

Стремление зафиксировать историческую истину Чермен Беджызаты претворяет в живую плоть последних рассказов. Автор пишет то от первого, то от второго лица, в чисто эпической манере, иногда от лица массы, от первого множественного «мы», рассказывая обо

всем выпукло, сжато и энергично. Особенно в последнем рассказе «Ветер сломал тополь». Голос повествователя почти нигде не звучит обособленно от времени и среды, манера изображения людей, их поступков и судеб говорят сами за себя. Чермен Беджызаты не сглаживает углов той ожесточенной борьбы, в условиях которой рождалась новая жизнь. Однако даже в такой сложной ситуации он ясно видит, что цели борьбы накладывают решающий отпечаток на весь состав человеческих чувств. Писатель отыскивает первые ростки нравственности и справедливости, которые новая жизнь утверждала как норму, как должное. Широкое употребление Чермена Беджызаты специфических мест слов и выражений, сознательная установка автора на буквальное воспроизведение живой речи со всеми ее неправильностями, что сказывается, в первую очередь, на построении речевых характеристик, на своеобразный языковой натурализм, в значительной степени, характеризует и авторскую речь.

Но рядом с этим натуралистическими тенденциями отчетливо ощущаются и другие стилевые черты. Пейзажные зарисовки, описание драматических переживаний героев приобретают обычно лирическую окрашенность, контрастно отличаясь от основного повествования выдержанного в бытовой манере. При этом Чермен Беджызаты нередко впадает в чрезмерную «изошренность», прибегает к ненужным красотам и пышной символике: «На куполе церкви черный шар. Это ворон», «женщина – клубок катится поперек к площади через темную часть улицы», «двенадцать глаз одновременно сели на ее лицо». Нам кажется, что в период создания рассказа «Ветер сломал тополь» писатель сознательно шел на известное усложнение стиля своего самого удачного и самого короткого рассказа. По замыслу автора, сам усложненный характер повествования должен был передать сложность, значительность происходящих событий. И надо заметить, что при этом писатель добился большого успеха. Не случайно же Х.-М. Дзуцати назвал это произведение «Идейно-художественным завещанием Чермена осетинской литературе» [8, с.104].

По рассказам Чермена Беджызаты можно проследить подъем автора с одной художественной ступени на другую. Они отражают определенные этапы биографии автора и одновременно – исторические рубежи, через которые прошли тысячи таких же активных участников революции и строителей новой жизни. Описание драматических переживаний героев приобретают обычно лирическую окрашенность, контрастно отличаясь от основного повествования, выдержанного в национальной манере. Яркие жизненные впечатления послужили для писателя богатейшим художественным материалом. Стремление отобразить судьбы народа в один из переходных моментов его истории определяло характерные стилевые особенности последних рассказов Чермена Беджызаты. Различными средствами писатель стремился как можно резче подчеркнуть значительность изображаемых событий,

напряженность борьбы двух враждебных миров. Эта авторская установка сказывается и на композиции произведения, характеризующейся быстрой сменой эпизодов. Живое чувство продолжающейся истории – вот что делает последние рассказы Чермена Беджызаты созвучными нашему времени. Подлинное назначение этих произведений – мемориально-эволюционное. Они как скромный памятник, воздвигнутый соратникам, ушедшим из жизни. Это и определяет их тон, их стиль, их назначение и значимость.

Список литературы

1. Беджызаты Ч.Д. Аевзæрст уацмыстæ (чиныг сарæзта æмæ разныхас ныффыста Гафез). – Сталинир, 1958.
2. Беджызаты Ч.Д. Аендæр фæндаг нæй. Романы райдиан // Фидиуæг. – 1933. – №3.
3. Булкъаты М. Нæ лæгдзырæгъты сыгъдæг фæндаг // Беджызаты Ч., Хъуылаты С. Уацмыстæ. – Дзæуджыхъæу, 1995.
4. Джикаев Ш.Ф. Чермен Беджызаты // Осетинская литература. – Орджоникидзе, 1980.
5. Джусойты Н.Г. Дыууæ 'фсымæры – дыууæ фыссæджы: (Беджызаты Чермен æмæ Уасо) // Рæстдзинад. – 2000. – 12 июль.
6. Джусойты Н.Г. Чермен Беджызаты // Очерк истории осетинской советской литературы.- Орджоникидзе, 1967.
7. Джыккайты Ш.Ф. Беджызаты Чермен (1898-1937) // Ирон литературæйы истори (1917-1956 азты): Ахуыргæнæн чиныг Ирыстоны паддзахадон университеты ирон филологийы факультетæн. – Дзæуджыхъæу, 2002.
8. Дзуццаты Х.-М. Беджызаты Чермены сфæлдыстад. – Цхинвал, 1964.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела литературы и фольклора ФГБУН СОИГСИ им. В.И.Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А; 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ;

Бекоев В.И., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ.